

Сяо Муци пришёл в себя и сказал: — Линфэй, будь добр, подбрось нас до дома.

Гао Линфэй вновь бросил на него странный взгляд.

Подбрось нас?

— Чего ты уставился? — удивился Сяо Муци. — Твою квартиру кто-нибудь убирал? Если нет, оставайся ночевать у меня.

Гао Линфэй возразил: — Насколько я помню, у тебя дома всего одна гостевая комната?

— Он будет спать в моей спальне, я за ним присмотрю, — ответил Сяо Муци. — Хватит болтать, садись в машину.

Гао Линфэй поджал губы и сел за водительское место: — Пожалуй, нет. У меня в квартире регулярно убирает домработница. Я вас отвезу, но ты одолжишь мне свою машину.

Сяо Муци не стал настаивать. Вернувшись к жилому комплексу, Гао Линфэй помог дотащить парня до машины, после чего Сяо Муци сразу же его спроводил.

К этому моменту Жун Шэин уже немного протрезвел и теперь неотрывно смотрел на Сяо Муци.

Сяо Муци стало неловко под этим взглядом. Отводя глаза и продолжая придерживать парня, он спросил: — Ну как, голова ещё кружится?

Однако Жун Шэин хранил полное молчание.

Сяо Муци решил, что тот ещё не до конца пришёл в себя, и не стал допытываться. Доведя его до квартиры, он уложил гостя в гостевой спальне.

С самого начала и до конца взгляд Жун Шэйина не отрывался от лица Сяо Муци.

У Сяо Муци по спине побежали мурашки. Изначально он собирался побыть рядом и немного поухаживать за ним, но теперь оставаться здесь не было никаких сил. Помогав парню снять верхнюю одежду и брюки, он затолкнул его под одеяло и, бросив на ходу: — Если станет плохо, зови меня, — поспешно ретировался.

Вернувшись в свою комнату, Сяо Муци принял душ и лег спать. Взгляд Жун Шэйина упорно заставлял его чувствовать себя так, будто он совершил какое-то жуткое злодеяние и вот-вот будет сдёрта шкура, переломаны кости, а от него самого не останется и следа.

Потолкавшись в помещении, он, должно быть, тоже вдохнул немного дыма, отчего тело невероятно расслабилось. Стоило Сяо Муци лечь, как он тут же провалился в сон.

Ночь прошла без сновидений.

На следующий день Сяо Муци проснулся на удивление рано.

Он на цыпочках подкрался к двери гостевой и, приоткрыв её на щелочку, заглянул внутрь.

Жун Шэин, судя по всему, смертельно устал и спал до сих пор — очертания бугорка под одеялом ни капли не изменились с самого вчерашнего вечера.

Сяо Муци тихонько прикрыл дверь, стараясь его не разбудить, и даже не подозревал, что Жун Шэин не сомкнул глаз за всю ночь.

Раньше, когда у него была работа, завтрак всегда покупал и приносил Ли Юнь. Но в последние дни работы не было, и Сяо Муци пришлось справляться своими силами. Готовить он особо не умел, поэтому просто поджарил пару яичницы-глазуньи, достал из холодильника хлеб с сыром и, запив всё это молоком, позавтракал. Он небрежно бросил тарелку в раковину, но тут же услышал, как скрипнула дверь.

Жун Шэин встал?

Может, приготовить и ему завтрак?

Сяо Муци в нерешительности обернулся, но в следующую секунду его схватили за подбородок и прижали к кухонной столешнице, а на его губы опустился влажный, горячий поцелуй.

Сяо Муци опешил, но вскоре начал отбиваться. Он в смятении пытался оттолкнуть нападавшего, но тот легко перехватил обе его руки и завел их за спину, лишив всякой возможности сопротивляться.

Когда Жун Шэин наконец выплеснул свое безумие, у Сяо Муци появилась возможность перевести дух.

Жун Шэин провел языком по его губам: От тебя пахнет молоком.

Сяо Муци молчал, отводя взгляд, а его щеки горели. Лишь спустя долгое время он выдавил: ...Ты не почистил зубы.

После этих слов Сяо Муци не знал, что творится в душе у Жун Шэйина, но тот долго хранил

молчание.

Однако и не отпускал его.

Сяо Муци невольно дернулся, но это лишь заставило объятия стать крепче.

Чего ты вообще хочешь? — не выдержал Сяо Муци. — Я ничем тебя не обидел.

Ты действительно меня не обижал, — Жун Шэин приблизился к его уху, едва ли не касаясь губами ушной раковины, и прошептал: — Но ты сделал кое-что другое.

Сяо Муци почувствовал, как горячее дыхание щекочет кожу, и попытался отстраниться: Что именно?

Жун Шэин лишь слегка потерся носом о его ухо и больше ничего не сказал.

Они стояли на кухне, плотно прижавшись друг к другу, и хранили молчание. Минута, две... Прошло десять минут, но они оставались в той же позе, не шевелясь.

Сяо Муци чувствовал, как его охватывает неловкость.

Он закрыл глаза, прокручивая в голове всё поведение Жун Шэйина, и пришел к ужасающему выводу.

Неужели этот тип тоже в него влюбился?!

Предоставлять возможности, помогать обрастать связями, вытаскивать из беды — это же просто копия сценария Цзян Ифэй! К тому же, сама Цзян Ифэй еще даже не появилась на сцене, так что, получается, он сейчас перехватил инициативу у будущей главной героини? Сяо Муци внезапно почувствовал, что дело принимает скверный оборот.

В смятении чувств он ткнул Жун Шэйина в бок и, стараясь говорить спокойно, позвал: Жун Шэин.

Жун Шэин не пошевелился: Что?

Сяо Муци: Я хочу задать тебе вопрос, только не обижайся.— Спрашивай.

Сяо Муци тщательно подбирал слова, пытаясь выразиться как можно более мягко:

— Ты случайно не... любишь меня?

Э? Эта фраза показалась какой-то странной, словно он уже где-то слышал нечто подобное.

Тело Жун Шэин мгновенно оцепенело. Они стояли так близко, что Сяо Муци отчетливо это почувствовал.

Он с силой оттолкнул Сяо Муци, но на его лице не было ни малейшего смущения — напротив, выглядело так, будто он услышал какую-то шутку:

— Ха, люблю тебя? Не льсти себе.

Поясница Сяо Муци врезалась в кухонный гарнитур. Система избавила его от физической боли, но оставила неприятное ощущение тупой ломоты, которая раздражала даже сильнее, чем настоящая боль.

Сдерживая желание скорчиться, Сяо Муци недоброжелательно бросил:

— Маньяк.

Не любит так не любит, но зачем вечно распускать руки? Того и гляди, однажды этот бугай его покалечит.

Сяо Муци бросил взгляд на шкалу прогресса над его головой: результат оказался вполне неплохим — она поднялась на 10 очков и теперь показывала 67, наконец-то перешагнув проходной балл.

Раз задание выполнено, а Жун Шэин видеть его не желает, незачем навязываться и вызывать раздражение.

Сяо Муци достал из холодильника хлеб и швырнул его Жун Шэин в грудь:

— Твой завтрак. Доешь — и вали отсюда.

Лицо Жун Шэина, на котором еще мгновение назад блуждала усмешка, вмиг оледенело. Бесчастная булка под напором его ладони превратилась в бесформенный ком.

Сяо Муци нахмурился:

— Не хочешь есть — не переводи продукты.

С этими словами он попытался забрать хлеб обратно.

Однако Жун Шэин яростно оттолкнул его руку, презрительно фыркнул, сжал мятую булку и вихрем вылетел из квартиры.

Входная дверь распахнулась и с грохотом захлопнулась.

Сяо Муци остался в полном недоумении. Какая муха его укусила? Чего вдруг такая бурная реакция?

Впрочем, как поется в одной песне: не пытайся угадать мысли главного героя, иначе все равно все пойдет прахом.

Сяо Муци с чистой совестью решил больше ничего не угадывать. В конце концов, он здесь только ради заданий, так что лучше не заводить лишних эмоциональных привязанностей с обитателями виртуального мира. Развитие событий в первом мире явно пошло не по его воле, впредь нужно быть предельно осторожным.

Сяо Муци даже не подозревал, что уже стал похож на старого генерала из пекинской оперы, чья спина сплошь утыкана знаменами-флажками.

Жун Шэин в ярости вернулся на съемную квартиру.

Хотя в последнее время он стал постепенно набирать популярность, от предложенной агентством новой квартиры он отказался, предпочитая по-прежнему делить жилье с другом из детского дома.

Этот его друг детства был профессиональным автором веб-романов на мужском портале. Его произведения не взрывали топы, но и не проваливались, держась на крепком среднем уровне — по крайней мере, на жизнь одинокого парня этого хватало с избытком. Закадычный друг был эталонным затворником: из дома он выбирался только тогда, когда запасы еды в холодильнике подходили к концу, а все остальное время безвылазно сидел взаперти.

Поэтому, когда Жун Шэин вернулся, тот все еще сидел в своей комнате за клавиатурой, строча главу.

Жун Шэин постучал по распахнутой настежь двери, показывая, что он вернулся.

Друг с зажатой в зубах наполовину тлевшей сигаретой спросил, даже не поворачивая головы:

— Наконец-то объявился? Вчера были какие-то тусовки?

Жун Шэин буркнул в ответ:

— Угу, — и, подойдя к нему, нахмурился, заметив темные круги под глазами: — Ты что, всю ночь не спал?

— Черт, уже рассвело? — друг бросил взгляд за окно. — Увлёкся писаниной, время пролетело незаметно... Так ты что, не ночевал дома?

Жун Шэин ничего не ответил и уже хотел уходить.

Но друг внезапно схватил его за руку и сгорающим от любопытства тоном затараторил:

— Эй, где провел прошлую ночлежку? С красоткой? Что за знаменитая актриса, я ее знаю?

Жун Шэин раздраженно бросил:

— Умерь свои пошлые фантазии. Я ночевал у... друга, одолжившего мне крышу над головой.

— Вот блин... — на лице друга мгновенно отразилось глубокое разочарование.

Заметив краем глаза смятый в комок хлеб в руке Жун Шэина, он тут же выхватил его, запихнул в рот пару кусков и забормотал с набитым ртом:

— Какой же ты заботливый, откуда ты знал, что я умираю с голодухи? Дома шаром покати, сходи-ка лучше в магазин, купи продукты.

Жун Шэин не успел перехватить добычу и с мрачным видом наблюдал, как тот всухомятку проглатывает хлеб.

Расправившись с едой, друг выключил компьютер, рухнул на кровать и по одному лишь виду стало ясно, что он намерен проспать целые сутки.

Жун Шэин, уже привыкший к подобным фокусам, собирался выйти из комнаты, но вдруг что-то вспомнив, рывком поднял парня обратно.

— Ой, да что ты творишь?! — друг взъерошил и без того растрепанные волосы и заныл: — Я спать собираюсь!

— У меня вопрос, — отрезал Жун Шэин. — Ответишь — и ложись.

Друг осоловело приоткрыл глаза:

— Ладно-ладно, спрашивай.

— Если, я говорю — если твой главный герой вдруг станет для какой-нибудь девчонки заменой кого-то другого...

— Подожди-ка, — друг поднял руку, прерывая его. — Мой главный герой не опустится до такого отстоя.

Лицо Жун Шэина едва заметно дернулось.

— Я же говорю — если! Но я ведь не умею писать такие сюжеты.

Я говорю: если бы!

Ладно, если бы... — ворчал вполуха приятель. — Если бы это было в моем романе, я бы закрыл ее в комнате, вот так и этак, этак и вот так, пока ее тело полностью не привыкло бы к главному герою. Раз уж тело привыкло, то и сердце рано или поздно потянется к нему.

Жун Шэин посмотрел на него как на сумасшедшего:

— Тебя за такое заблокируют по жалобам.

Пялясь на него, приятель закатил глаза:

— Чего ты понимаешь? Читатели больше всего любят именно такие сюжеты, да и не я один пишу, все так пишут.

Жун Шэин:

— Смотри, чтобы какая-нибудь читательница не завалила тебя единичками в рейтинге.

Пялясь:

— Плевать, все равно я не позволю своему главному герою быть жалким дублером. Не меня же забанят, плевать на них!

Жун Шэин собирался что-то возразить, но приятель, потеряв терпение, с головой зарылся под одеяло.

— Я ответил на все вопросы, хватит меня мучить, я спать хочу, фу-у...

Жун Шэин беспомощно покачал головой и повернулся, чтобы уйти.

И зачем вообще было спрашивать этого малого, который только и умеет, что гаремы главному герою устраивать? Никакого толка от его ответов.

Но... неужели его совет действительно невыполним?

В тот самый момент, когда дверь закрылась, Жун Шэин погрузился в глубокие раздумья.

Сяо Муци еще не знал, что его чести снова угрожает опасность: в этот момент он вместе с неким режиссером присутствовал на пресс-конференции по случаю начала съемок нового сериала.

Попав в этот мир, Сяо Муци еще ни разу по-настоящему не выполнял работу своего предшественника. Позиция прежнего звездного актера Сяо в шоу-бизнесе была настолько прочной, что ему не требовалось сниматься без перерыва ради популярности — максимум два фильма в год. И если первый сценарий достался Жун Шэину, то во втором ему предстояло выходить на площадку самому.

Сяо Муци ни капли не верил в свои актерские способности, но перед лицом множества репортеров ему оставалось лишь сохранять каменное лицо и невпопад отвечать на их странные вопросы.

Он не женился тайком и не заводил детей вне брака от дочерей влиятельных семей!

Он в глаза не видел главную героиню нового сериала, не крутил с ней роман и даже не помышлял об этом!

Когда пресс-конференция наконец подошла к концу, Сяо Муци чувствовал себя полностью истощенным.

Ли Юнь с сочувствием смотрел на его нездоровый цвет лица. Поделаться было ничего нельзя: всегда находилось пара бессовестных репортеров, обожавших задавать всякую чушь и лезть в чужую личную жизнь, а звездам при этом запрещалось даже срывать злость — иначе тут же раздуют грандиозный скандал и смешают с грязь.

Ли Юнь довез Сяо Муци до его жилого комплекса и, повернувшись, увидел, что тот уже спит, откинувшись на спинку кресла.

— Сяо-гэ, Сяо-гэ! Приехали.

Сяо Муци со сна заторможенно заморгал и осоловело уставился на него.

Ли Юнь вздохнул про себя: только сразу после пробуждения Сяо-гэ не ходит с ледяным лицом. Если бы кто-то другой увидел его таким, наверняка бы сильно удивился.

— Уже приехали? — Сяо Муци потер глаза и посмотрел в окно: действительно, они у дома.

Сяо Муци:

— Спасибо за труды.

Ли Юнь:

— Никаких трудов, я же помощник, это моя работа.

Сяо Муци:

— Ладно, я пойду наверх.

Ли Юнь:

— ...Сяо-гэ, не пригласишь меня выпить чашечку чая?

Сяо Муци:

— Нет.

Ли Юнь:

— ...До свидания, Сяо-гэ.

Сяо Муци махнул ему рукой и, не оглядываясь, вышел из машины.

День общения с журналистами вымотал его до конца, сил не осталось вовсе. Сейчас ему хотелось лишь одного — хорошенько выспаться, а грядущие съемки останутся серьезной головной болью на потом.

Зевая и наполовину прикрыв глаза, Сяо Муци принялся шарить по карманам в поисках ключей.

Пальцы дрогнули, и с звонким лязгом ключи выскользнули из кармана на асфальт.

Сяо Муци недовольно поморщился и был вынужден присесть, чтобы подобрать их. Поднявшись и опираясь на дверной косяк, он вдруг заметил тень, упавшую на проем.

Вздрагнув, Сяо Муци попытался обернуться, но кто-то сзади прижал к его носу и рту кусок белой ткани.

В нос ударил странный резкий запах. Сяо Муци мучительно скорчил лицо, отчаянно заерзал, но через пару мгновений потерял сознание.

Когда Сяо Муци пришел в себя и понял, что снова голым привязан к кровати, у него уже не осталось сил даже на то, чтобы выругаться.

Пожалуй, только поимев Саму Систему, он сможет унять эту жгучую ненависть.

Система:

— Я всё слышу.

Сяо Муци:

— Для тебя и говорю, сволочь ты такая!

Система:

— Вызываемый вами абонент находится вне зоны действия сети, пожалуйста, перезвоните позже.

Сяо Муци:

— ...

— Ты проснулся.

Ну надо же какая банальность! Сяо Муци перевел взгляд на источник звука.

Жун Шэин с бесстрастным лицом стоял у окна. Он заслонял собой свет, целиком погруженный в тень, отчего его лицо казалось леденяще-мрачным.

Хватило пары взглядов, чтобы Сяо Муци почувствовал неладное: почему убранство этой комнаты кажется до боли знакомым? Словно... Нет, не словно, это и есть его собственная спальня!

Вот же черт, у Жун Шэина хватило наглости опоить его и привязать прямо в его собственном доме? Неужели он боялся, что его не найдут?

Будучи совершенно голым, Сяо Муци заранее проигрывал в уверенности.

Стараясь скрыть смущение, он холодно произнес:

— Чего тебе нужно?

Жун Шэин молчал. Его взгляд скользнул по лицу пленника, опустился ниже — на медовую грудь, на плоский живот с едва заметными рельефами мышц и дорожками аполлона идеальной формы. Длинные ноги невольно заставили вспомнить ту сладостную ночную борьбу, когда его самого сжимали за талию.

Дыхание Жун Шэина постепенно участилось, а голову затопил совет, который он еще недавно с таким презрением отвергал.

Сяо Муци видел, как тот медленно, шаг за шагом, приближается к кровати, опускается на край и поднимает руку, легонько проводя ладонью по его открытому телу. Мышцы Сяо Муци мгновенно напряглись.

Это движение словно послужило сигналом.

Жун Шэин резко надавил ладонью, и Сяо Муци, застигнутый врасплох, глухо застонал.

В следующее мгновение Жун Шэин навалился на него с мощью лавины, не оставляя ни единого шанса на спасение.

За окном брезжил рассвет.

Сяо Муци стоял на четвереньках, уткнувшись лицом в подушку, и до крови закусил губу, терпя удары сзади.

Целую ночь, целую ночь его измывали на этой постели. Оковы давно сняли, но у Сяо Муци уже не оставалось сил на сопротивление — оставалось лишь покорно терпеть, пока Жун Шэин вертит им как вздумается, доводя до полного изнурения.

Вышло даже жестче, чем в первый раз.

В очередной раз доверху наполненный горячей жидкостью, Сяо Муци не мог выдавить из себя ни звука, лишь жалобно всхлипывал.

Наконец Жун Шэин, судя по всему, насытился. Он отстранился и разжал пальцы, крепко сжимавшие его талию — на медовой коже с боков уже проступили бледные синяки, красноречиво говорившие о том, какому обращению он подвергся.

Лягнув рядом, Жун Шэин бережно обнял Сяо Муци за талию и притянул к себе.

Сяо Муци даже смотреть на него не хотел.

Жун Шэин был сущим психом: стоило ему переклинить, как он тут же срывался с цепи и кувыркался всю ночь напролет, совсем не боясь сорвать поясницу или сгореть дотла от истощения. Молодежь есть молодежь, а его телу уже перевалило за тридцать, ему такие нагрузки были совсем не по силам.

Сяо Муци даже не помнил, сколько раз они сошлись за ночь. В памяти остался лишь туман, в котором сон и явь сменяли друг друга, но неизменным оставалось ощущение того, как его тело разрывает изнутри. Наконец-то получив возможность передохнуть, Сяо Муци смежил глаза, погружаясь в тяжелый забытый.

Однако Жун Шэин снова принялся за свое.

Сяо Муци чувствовал, как тот сначала дергает его за руку, потом приподнимает бедро, а в конце концов, приложив усилие, просто взял и поднял его целиком на руки.

Опять?!

Испуганный Сяо Муци забился в его хватке, но сил не было, и эти слабые попытки казались Жун Шэину лишь легким щекотанием. Тот без труда донес его до... ванной комнаты? У Сяо Муци глаза полезли на лоб.

Ошеломленно глядя, как Жун Шэин бережно оmyвает его тело — с такой нежностью, будто это вовсе не он только что безумствовал всю ночь, — он даже забыл про сон, а в голове царил полнейший кавардак.

Особенно учитывая, что шкала прогресса над его головой снова сдвинулась на три деления вперед, перешагнув семидесятипроцентный рубеж.

Вчера вечером Жун Шэин сначала усыпил его, а потом, храня молчание, занимался только

одним. Сяо Муци не умел читать чужие мысли — откуда ему знать, что творится в чужой голове? Если бы он и правда тайком сох по нему, как в прошлом мире, было бы проще: Сяо Муци мог бы покривить душой и сыграть в любовь. Но Жун Шэин же сам прямо говорил, что не любит его.

Тогда в чем же дело?

Мысленно перебрав все их редкие встречи с момента прибытия в этот мир, Сяо Муци внезапно прозрел.

Если этот парень не влюблен в него, значит, он до сих пор затаил обиду! Обижается на ту брошенную фразу про ошибку адресом, на то, что его приняли за замену.

Небеса мои, земля, знал бы он — ни за что бы так не ляпнул!

Кто же мог подумать, что простое словцо приведет к такой расправе? Сяо Муци чувствовал себя невероятно несчастным.

Заметив, что прижавшийся к его груди человек молчит и смотрит отсутствующим взглядом, Жун Шэин поджал губы, легко вынес его из воды и отнес обратно в спальню.

<http://bllate.org/book/21641/2233176>